

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 года

События 1 марта 1881 года на Екатерининском канале в Петербурге предрешили поворот в государственной жизни России. Провозглашенный новым императором Александром III после вступления на престол националистически окрашенный правительственный курс был подготовлен еще в бытность его наследником и вызревал под бдительной опекой его наставника К. П. Победоносцева, без стеснения воспитывавшего своего ученика в атмосфере открыто враждебной политики царствовавшего отца¹.

Знакомство К. П. Победоносцева с будущим императором состоялось в 1861 году, когда К. П. Победоносцеву было поручено преподавать законоведение цесаревичу Николаю Александровичу и его братьям Александру и Владимиру. Однако доверительные и близкие отношения между великим князем Александром Александровичем и его наставником установились только после смерти цесаревича Николая в апреле 1865 г. Смерть старшего брата открыла великому князю Александру Александровичу дорогу к трону. К. П. Победоносцев свою любовь и привязанность, которыми прежде пользовался цесаревич Николай, отныне дарил новому наследнику престола. Обнаружилось и духовное родство ученика и наставника. «Душа у него поистине прямая и честная — к нему привязаться можно. Сердце у него русское», — писал о наследнике в 1867 году К. П. Победоносцев².

Он уловил у своего воспитанника близкие ему самому симпатии ко многим из славянофильских идей. По мнению Ю. В. Готье, «через К. П. Победоносцева и, вероятно, через близкую когда-то к придворным сферам Анну Федоровну Аксакову Александр вошел в соприкосновение с московскими славянофилами и очень ими заинтересовался»³.

Возраставшее влияние К. П. Победоносцева на наследника, видимо, раздражало Александра II, однако он не препятствовал этому сближению активно. Впрочем, в 1867 году царь запретил рекомендованную К. П. Победоносцевым поездку наследника в Москву на похороны митрополита Филарета. Императорскую семью там должен был представлять великий князь Владимир Александрович. «Ничего не помогло, ни мои просьбы, ни просьбы матери», — жаловался наследник своему наставнику 24 ноября 1867 года⁴.

Уже конец 1860-х годов отмечен ростом недоверия в отношениях между сыном и отцом. Стало очевидным, что письма наследника престола подвергались перлюстрации. К. П. Победоносцев чувствовал, что царь стал относиться к нему с подозрением. Однако это не отразилось на его связях с наследником, и он продолжал свою линию поведения, подогревая оппозиционные императору настроения у самого наследника и его окружения. Как убедительно показал Ю. В. Готье, К. П. Победоносцев не любил Александра II, враждебно относился к его преобразованиям и «еще в наследнике Николае... видел “надежду”, в нем искал он “другого полюса”, и когда тот умер, то начал по-своему политически воспитывать его пока бесформенного и грубоватого брата и преемника»⁵.

Вокруг наследника постепенно объединилась значительная группа противников реформаторского курса Александра II. В конце 1870-х годов входившие в эту группу генерал Р. А. Фадеев и генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков подготовили по своему духу контрреформаторскую программу преобразований в виде книги «Письма о современном состоянии России. 11–20 апреля 1879 — 6 апреля 1880». В самом начале 1881 года авторам удалось получить разрешение Александра II на издание этой книги за границей. В «Письмах» в резкой форме подверглась критике идея западного конституционализма. Ему противопоставлялись «живое народное самодержавие», организованное земство, способное воплотить «идею единения царя с народом» и признающее «царя царем, а не главой исполнительной власти». В «Письмах» критиковался «непомерно громадный бюрократический механизм», зараженный нигилизмом, и содержался призыв к восстановлению допетровских государственных форм, в частности, земских соборов. Программа Р. А. Фадеева и И. И. Воронцова-Дашкова получила поддержку со стороны некоторых из славянофилов, и прежде всего И. С. Аксакова⁶.

Таким образом, в окружении наследника вырабатывалась политическая программа со славянофильским оттенком, альтернативная официальному курсу.

Между тем уже в конце 1860-х годов отношения между царем и наследником обострились на семейной почве. Причиной тому

стал роман Александра II с Екатериной Михайловной Долгорукой, впоследствии княгиней Юрьевской.

Выстрел Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 года у Летнего сада в Петербурге открыл серию следовавших затем покушений на императора. В конце августа 1879 года Исполнительный комитет Народной воли принял решение о том, чтобы направить все усилия на царубийство. Революционный кризис никак не отразился на отношениях между наследником и его окружением, с одной стороны, и императором — с другой, скорее он совпал с их обострением, вызванным смертью императрицы и усилением влияния Долгорукой.

В начале 1879 года К. П. Победоносцев уже не просто, как это бывало прежде, жаловался своим корреспондентам на то, что ему «надоели преобразования» императора, но отзывался о нем как о человеке ничтожном и ни на что не способном⁷. «О самом владыке и говорить нечего, — писал К. П. Победоносцев 29 января Е. Ф. Тютчевой, — он жалкий и несчастный человек, и нет ему возвращения вспять. Бог поразил его: у него нет силы встать и управлять своими движениями, хотя и воображает себя живым и действующим и властным. Явно, что воля в нем исчезла: он не хочет слышать, не хочет видеть, не хочет действовать. Он хочет только бессмысленною волею чрева»⁸.

Среди заслуживающих доверия источников, позволяющих восстановить картину того, что происходило в Зимнем дворце в последние годы царствования Александра II, — воспоминания Александры Андреевны Толстой «Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины»⁹. Это сочинение было написано в 1899 году, т. е. в период царствования уже Николая II. Оно специально посвящено конфликту между Александром II и наследником и носит назидательный характер. Записки А. А. Толстой кончаются сентенцией, обращенной, очевидно, к последним Романовым: «Дорогие августейшие дети, живите в добре, чтобы в добре умереть. Не шутите с жизнью! Она серьезна, очень серьезна, потому что кончается вечностью»¹⁰.

А. А. Толстая была хорошо знакома с придворной жизнью. В 1846 году она была назначена фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I. Двадцать лет спустя, в 1866 году, А. А. Толстая переехала из Мариинского дворца в Зимний. Она получила шифр фрейлины императрицы и выполняла обязанности воспитательницы великой княжны Марии Александровны вплоть до ее замужества в 1847 году. На глазах А. А. Толстой в Зимнем дворце разворачивались драматические события в семье царя, а после смерти императрицы 22 мая 1880 года, она даже в какой-то степени стала участницей вспыхнувшего конфликта между наследником и царем.

А. А. Толстая была не просто сторонним наблюдателем, она принадлежала к партии императрицы, с ненавистью относилась к Екатерине Юрьевской и резко осуждала поведение Александра II¹¹. «Преступная связь императора, — писала она в своих воспоминаниях, — казалось, открыла эпоху покушений на его жизнь. Здесь широкое поле для размышлений несколько мистического толка, но они невольно закрадываются в душу»¹².

А. А. Толстая с беспокойством следила за развитием семейного конфликта, обострившегося в связи со смертью императрицы. После похорон вся царская семья переехала в Царское Село и только чета наследников, пробыв там короткое время, покинула его, чтобы провести лето в Гапсале. Царь был раздражен этим отъездом, «сухо и резко» отвечал он на расспросы о наследнике¹³.

Прошло не более полутора месяцев со дня кончины императрицы, и 6 июля 1880 года около полуночи Александр II тайно обвенчался с Долгорукой в походной церкви, размещенной в одном из залов Царскосельского дворца.

В связи с этим Александр II подписал акт в Сенате о своем вступлении в морганатический брак с княжной Долгорукой и о предоставлении ей титула Светлости и имени княгини Юрьевской. То же имя и титул получили их дети: сын Георгий восьми лет и дочери — Ольга семи лет и Екатерина двух лет.

На церемонии венчания присутствовали только доверенные лица: свидетели императора — министр двора А. В. Адлерберг и генерал-адъютант Э. М. Баранов, свидетели Е. Долгорукой — генерал-адъютант А. М. Рылеев и близкая к ней Варвара Шебеко. Однако слух об этом событии довольно быстро распространился в придворных кругах. А. А. Толстая узнала о нем из первых рук — от своего друга А. В. Адлерберга, осуждавшего поступок Александра II, но вынужденного уступить настояниям императора и согласиться на роль свидетеля. Со слов придворного архиерея Никольского А. А. Толстой было известно, что император, отдавая приказание подготовить все к обряду венчания, произнес: «Я хочу умереть честным человеком и должен спешить, потому что меня преследуют убийцы»¹⁴.

Наследник узнал о случившемся далеко не первым, только 19 августа, когда приехал из Гапсалья, чтобы повидаться с отцом перед его отъездом в Крым. В середине сентября наследник с семьей также отправился в Крым. О том, что происходило в Ливадии, А. А. Толстой рассказала сама цесаревна Мария Федоровна. Царь обещал хранить в тайне свой брак с княгиней Юрьевской до истечения срока траура, но не сдержал слова. Княгиня Юрьевская поселилась не в своем «тайном доме», где она обычно останавливалась во время

пребывания царской семьи в Крыму, а в Ливадийском дворце. Император требовал от четы наследников постоянного общения с нею и стремился сблизить своих детей от Юрьевской и внуков. Попытки Марии Федоровны противостоять этому вызвали гнев императора. Он напомнил ей, что «она всего лишь его первая подданная»¹⁵.

В ноябре 1880 года царь вернулся в Петербург. Новое положение Юрьевской стало теперь широко известным и встретило оппозицию. Подала в отставку фрейлина императрицы Дарья Тютчева. Покидая Зимний дворец, она обратилась к А. А. Толстой со словами: «Запомните, Александрин, что я вам сейчас скажу: у меня верное предчувствие, что все переменится. Не знаю, что произойдет, но вы увидите, что через три-четыре месяца вся гадость будет выметена из Зимнего дворца»¹⁶. «Общественное мнение как во дворце, так и в городе было возбуждено, — утверждала А. А. Толстая. — То и дело возникали семейные скандалы...» Как сообщил А. А. Толстой М. Т. Лорис-Меликов, «однажды в порыве гнева государь даже заявил наследнику, что отправит его вместе с семьей в ссылку... Положение наследника становилось просто невыносимым, и он всерьез подумывал о том, чтобы удалиться “куда угодно... лишь бы не иметь больше ничего общего с этой кабалой”»¹⁷.

А. А. Толстой было «твердо известно», что Александр II «помышлял о коронации княгини Юрьевской», причем «образцом и прецедентом» должна была послужить коронация Екатерины I. «Были перерыты архивы» в поисках документов, относящихся к этому событию¹⁸. «Будущая императрица заказала в Париже мантию для своей коронации, и многие приближенные императора видели шифр для фрейлин Екатерины III, придуманный им самим»¹⁹.

«Положение было более чем трагическим, — оценивала А. А. Толстая ситуацию, сложившуюся в царской семье накануне 1 марта. Оно казалось безвыходным — впереди никакого выхода и спасения!..»²⁰

Туго затянутый узел семейного конфликта, грозившего перерасти в династический, был разрублен покушением на Екатерининском канале. «Как только случилась катастрофа 1 марта, было забыто и прощено все, кроме того, что наш государь был жестоко и несправедливо убит», — писала А. А. Толстая²¹.

Сообщаемые А. А. Толстой сведения о намерении Александра II короновать Юрьевскую и о вспышке семейного конфликта на этой почве подтверждают и другие источники, в частности воспоминания А. Н. Куломзина. Куломзин, занимавший с 1883 по 1902 год пост управляющего делами Комитета министров, писал, будто «наследник объявил императору, что, если состоится коронация Юрьевской, он с женой и детьми уедет в Данию, на что последовала со стороны

Александра II угроза в случае такого отъезда объявить наследником престола сына, рожденного до брака от Юрьевской — Георгия»²².

П. А. Зайончковский в своем исследовании «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов» привел показания по этому же поводу Б. Н. Чичерина и великого князя Александра Михайловича. Б. Н. Чичерину было известно, что в Москву для поиска в архивах сведений о коронации императрицы Екатерины I был отправлен как специалист по церковным вопросам Тертый Филиппов. Он нашел необходимые документы и уже возвращался с ними в Петербург, когда произошли события 1 марта. Александр Михайлович о предполагаемой коронации Юрьевской слышал еще от своих родителей, а сам был свидетелем того, как Александр II, обращаясь к Георгию, в полушутливой форме спросил его: «А не хочется ли, молодой человек, Вам сделаться великим князем?»²³

О том, насколько серьезную угрозу для себя видело в возможности коронации Юрьевской окружение наследника престола, легко себе представить из письма Р. А. Фадеева своему племяннику С. Ю. Витте 14 марта 1881 года. «Я спрашивал у людей, самых близких покойному государю, — писал Фадеев, — постигают ли они продление прошлого царствования на 10 лет и что из нас вышло бы в таком случае? Они ответили в один голос, что не постигают. Доходило до того, что люди, сросшиеся с покойным, — Адлерберг, Милютин и Вердер, — хотели отшатнуться, оставить места вследствие домашних интриг и новых людей, вылезавших из щелей женской половины Зимнего дворца. В августе было назначено ее коронавание, и главное влияние утвердилось бы в совершенно невозможных руках. Об этом не нужно говорить, чтобы не ослабить сокрушающего впечатления, которое может в текущее время объединить и скрепить нравственно Россию. Но там, свыше, где управляют участью земною, лучше знают, что и для чего делается»²⁴.

Это был отклик на событие 1 марта 1881 года по горячим следам. А много лет спустя был записан рассказ о связанных с этим событием обстоятельствах, принадлежавший А. И. Дмитриеву-Мамонову, генеалогу и автору книг «Начало печати в Сибири» (1900), «Декабристы в Западной Сибири» (1905), «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири» (1907), занимавшему в 1870–1890-х годах вице-губернаторские посты в Сибири. Записал этот рассказ состоявший при С. Ю. Витте — председателе Совета министров А. А. Спасский-Одынец. Он занимался ознакомлением Витте с пресой и организацией воздействия на нее. Аналогичные обязанности выполнял сын А. И. Дмитриева-Мамонова — В. А. Дмитриев-Мамонов, с которым Спасский-Одынец был в дружбе. По его утверждению, он записал рассказ отца своего друга «слово в слово». Суть

рассказа сводилась к тому, что А. И. Дмитриев-Мамонов перед 1 марта возглавлял охрану царя и его семьи, которая подчинялась не Министерству внутренних дел, а министру императорского двора графу А. В. Адлербергу. Только ему и Дмитриеву-Мамонову были известны маршруты поездок царя. Начальнику охраны в нужных случаях подчинялась петербургская полиция и жандармерия. Он и министр двора получали все сведения, имеющиеся в МВД. В сообщениях о готовящемся покушении, — рассказывал Дмитриев-Мамонов, — не было недостатка, но все они были анонимны.

Однако утром 1 марта было получено подписанное сообщение, в котором место и обстоятельства покушения были названы, как потом оказалось, совершенно правильно. Дмитриев-Мамонов, по его словам, отнес письмо Адлербергу и доложил о необходимости отменить обычный в этот день выезд или изменить маршрут. Адлерберг на это ответил: «Не далее как вчера после ужина и в присутствии наследника государь строгим голосом почти крикнул мне: “Слушай, Адлерберг! Я тебе уже не раз говорил и еще раз приказываю: не смей мне ничего докладывать о готовящихся на меня покушениях... оставьте меня в покое... принимайте меры, ты и Дворжицкий²⁵, какие признаете необходимыми, но я хочу остаток жизни по воле божьей прожить в покое!”²⁶ Вы понимаете, как я могу после такого, к тому же в такой резкой форме данного, приказа докладывать его величеству и настаивать еще на отмене выезда»²⁷.

Тогда А. И. Дмитриев-Мамонов предложил поставить в известность наследника, но того не оказалось в Петербурге и найти его не удалось.

«Почему же, спросил я у Дмитриева-Мамонова, — писал Спасский-Одынец, — Вы сами помимо министра не попытались доложить государю о смертельной опасности, которая ему угрожала, ведь Вы же знали существующую на этот случай статью закона?»

«Прежде всего потому, — ответил Дмитриев-Мамонов, — что Адлерберг был все время до момента этого рокового отъезда государя плечом к плечу с ним, как же я мог в присутствии министра докладывать государю?» «На третий день после покушения вступивший на престол Александр III меня допрашивал, — продолжал он, — и поставил вопрос: почему я не доложил государю, вопреки министру, как того требует закон от каждого верноподданного. Я вновь доложил все, что мне передал министр двора о запрещении покойного государя, отданном в присутствии вашего императорского величества, повторив дословно сказанное мне Адлербергом. При этих словах император строго взглянул в лицо министра и сказал: “Да, я был недалеко от Вас, граф, но того, что говорил мой мученик отец Вам и какое приказание он Вам дал,

я не слышал»²⁸. В результате Дмитриев-Мамонов оказался Омским вице-губернатором. На этом посту он пробыл все царствование Александра III, считая себя сосланным.

По ряду причин мы не можем считать это сообщение безусловно достоверным, хотя надо отметить, что Лорис-Меликов просил Александра II воздержаться от поездки, ссылаясь на сведения о готовящемся покушении²⁹. Включив запись этого рассказа Дмитриева-Мамонова в свои воспоминания, Спасский-Одынец и сам уделит внимание теме 1 марта. Он исходил из некой преднамеренности действий Адлерберга. Объяснял он это его враждебными отношениями с княгиней Юрьевской, отвергая утверждения С. Ю. Витте о том, что Адлерберг благоприятствовал роману Александра II³⁰. Ссылаясь на воспоминания кн. В. В. Барятинского, напечатанные в 1930-х годах во французских изданиях (нам не известные), Спасский-Одынец доказывал, что княгиня Юрьевская считала Адлерберга своим злейшим врагом, и он не только не способствовал ее венчанию с Александром II, но, наоборот, пользуясь своей с ним дружбой, до конца сопротивлялся их браку. Когда же сопротивление его оказалось бесполезным, и он должен был стать как министр двора свидетелем при бракосочетании, то явился, к негодованию царя, во фраке, а не в генерал-адъютантском мундире, чтобы подчеркнуть свое неуважение к этому браку. И уволен Адлерберг Александром III был по словам Спасского-Одынца, «за непредотвращение покушения», а вовсе не по указанным Витте причинам, среди которых было благоприятствование роману Александра II.

Спасский-Одынец со слов осведомленных современниц, бывших подруг княгини Юрьевской по Смольному институту и свитских фрейлин Марии Александровны, подтвердил намерение Александра II не позднее осени 1881 года короновать свою жену императрицей.

Возвращаясь к оценке роли охраны в случившемся 1 марта 1881 года, отметим, что Воронцов-Дашков, ставший министром двора, и Фадеев создали по инициативе Витте добровольную аристократическую организацию для борьбы с революцией — «Святую дружину». Необходимость ее существования объяснялась тем, что официальная полиция неспособна выполнить свое предназначение — убереечь государя и его семью. При этом Александру III внушались фантастические версии случившегося. Одна из них, принадлежавшая Фадееву, представляла царю чуть ли не создателем «Народной воли», «человеком, который заведомо положил начало организации, убившей его отца», генерала Н. Н. Обручева³¹. Другая состояла в том, что убийство «вызвано еврейскими интригами, направленными на уничтожение всех монархов». Для подтверж-

дения этого агенты Департамента полиции предприняли в Париже в начале 80-х годов сбор «документов». Делалось это, чтобы утешить царя, который, как считалось, был особенно огорчен тем, что «убийство его отца всецело было подготовлено и осуществлено русскими, и в частности русскими, принадлежащими к высшему классу общества»³². Но что на самом деле думал Александр III и в каком утешении он нуждался, остается не ясным.

